

84(2P)5
M64 ✓
12-80

А. Мирская.

Алтайскія Легенды.

ПОДЪ НОВЫЙ ГОДЪ.

(Изъ воспоминаній охотника).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья улица, домъ № 14-й.
1910.

А. Мирская.

◇

Алтайскія Легенды.

ПОДЪ НОВЫЙ ГОДЪ.

(Изъ воспоминаній охотника).

ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья улица, домъ № 14-й.
1910.

Я-МРСКБЯ

АЛТАЙСКИЙ РАЙОН

ПОДЪЕЗД

(ИЗДАНИЕ)

Томская областная
библиотека им. А.С. Пушкина
Инв. № 12-80

АЛТАЙСКІЯ ЛЕГЕНДЫ.

ПОДЪ НОВЫЙ ГОДЪ.

(Изъ воспоминаній охотника).

— Сегодня твои уши опять хотятъ слушать, что болтаетъ мой языкъ: вижу по глазамъ. Мой гость, дивлюсь на тебя: ты, ученый человекъ, любишь слушать преданія Алтая, а болтливый Туээзи и радъ, что его слушаютъ, онъ, точно саньсханъ¹⁾, можетъ трещать цѣлыми вечерами, особенно теперь, когда Катунь покрыла ледяная кора, и морозъ гонитъ въ юрту съ улицы... тебѣ тоже надоѣдаетъ бѣгать на лыжахъ въ лѣсахъ... я понимаю тебя, мой гость“.

Мнѣ хорошо было тутъ въ большой и высокой юртѣ; пламя ласково лизало дрова на очагѣ, гдѣ мой старикъ Казаченко варилъ въ двухъ котелкахъ что то вкусное, разливавшее аппетитный запахъ по юртѣ; съ длинной трубкой въ своей странной шапкѣ и обшитой каймою шубѣ Туээзи задумчиво смотрѣлъ въ пламя костра и, поднявъ на меня глаза, сказалъ тихо:

¹⁾ Сорока.

— Да, я полюбилъ тебя, русскій, и охотно говорю съ тобою: ты любишь Алтай такъ-же, какъ я, и палочкой можешь записать на бумагѣ мои рассказы для того, чтобы люди узнали о нашихъ горахъ и о людяхъ, какъ сказалъ ты мнѣ въ тотъ день, когда мы съ тобою встрѣтились у Катуня. Сегодня послѣдній день Улу-кырлача ¹⁾; когда я былъ еще молодымъ, и бѣлыя нити не прошли по моей головѣ, со мною въ эту ночь случилось такое, что я помню всю жизнь... да, мой гость, наши горы хранятъ тайны... вижу, что ты направилъ ухо.

— Дай сюда мнѣ другую трубку, Ирленъ!—позвалъ онъ старую родственницу, заправлявшую его хозяйствомъ.

И, затаившись табакомъ, сощурилъ умные глаза, заглядѣвшись на огонь и на минуту задумавшись.

Я зналъ, что въ это время его окружаютъ образы прошлаго, и рой воспоминаній тѣснится въ его умѣ.

— Моя бабушка,—не глядя на меня, началъ онъ раздумчиво,—была хорошая добрая алтайка, я у ней былъ одинъ... какъ она умѣла рассказывать! недаромъ выросла въ труппѣ, тамъ, гдѣ Каиръ-Кумиръ бурлитъ и клокочетъ, какъ безумный; она знала, что шепчетъ лѣсъ и травы, она понимала говоръ птицъ и звѣрей, а мой прадѣдъ, котораго тоже звали Туээзи, былъ мудрецъ; онъ пришелъ издали въ Алтай и не былъ его сыномъ... бабушка, найденная имъ въ аилѣ, куда пришла алдачи ²⁾ и унесла всѣхъ большихъ, оставивъ только ее, стала его дочерью. Онъ полюбилъ Алтай, какъ ты полюбилъ его, и узналъ всѣ преданія и сказки наши; это былъ умный и мудрый человекъ и такъ страшно много зналъ. Когда я сталъ подростать, бабушка пересказывала мнѣ все, что слышала отъ своего названнаго отца. Одна сказка о Кара-Канъ ³⁾ запала мнѣ въ сердце... да, смѣлая дочь его околдовала меня, тогда, я бредилъ Алтынъ-Аргызъ, но расскажу тебѣ кратко, кто такая была она.

¹⁾ Декабря.

²⁾ Смерть.

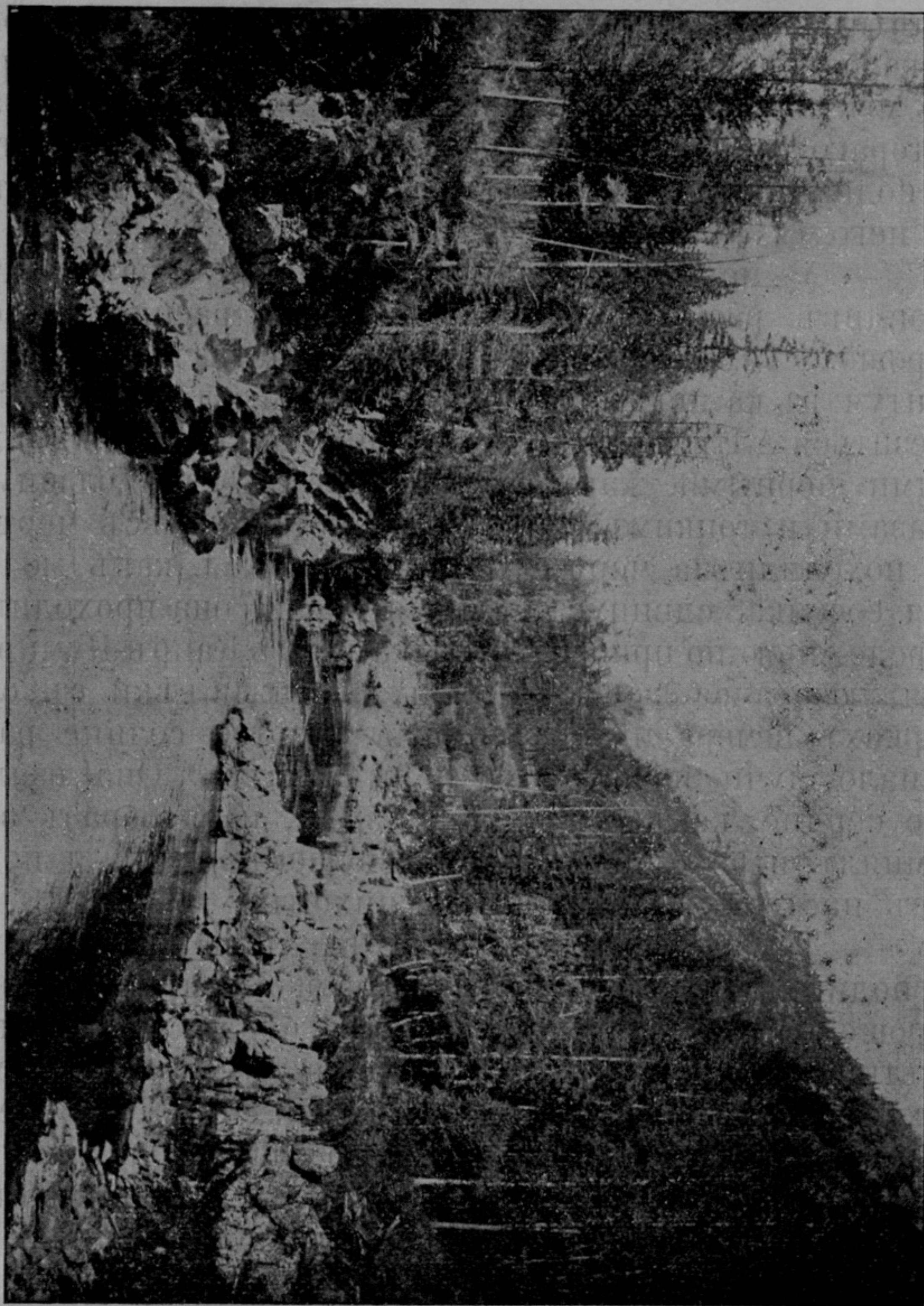
³⁾ Сказочный царь Алтая.

И онъ разсказалъ мнѣ сказку о богатомъ и могущественномъ царѣ Кара-Канѣ, не хотѣвшемъ сдѣлать единственную дочь наслѣдницей своихъ богатствъ и рѣшившимъ отдать ихъ подземному царю. Оскорбленная дѣвушка ушла изъ дома къ богатырю съ мыслью убить того подземнаго царя-змѣя, изъ-за котораго отецъ хотѣлъ ее обдѣлить... ея храбрость, ея подвигъ покорили богатыря, и она рѣшилась выйти за него.

— У меня было теплое сердце,—сказалъ онъ, окончивъ разсказъ.—А бабка умѣла расписать все хорошо... Тамъ, гдѣ Каиръ-Кумиръ летитъ, пѣнясь и бунтуя въ камняхъ, мнѣ, среди тишины лѣсовъ, стала грезиться Алтынъ-Аргызъ—статная, высокая, съ длинными черными, какъ смоль, косами, съ большими глазами и тонкимъ лицомъ, на которомъ всѣ черты не походили на черты алтаекъ... тонкая, какъ молодая сосенка, сдвинувъ темныя брови, она проходила передо мною по прибрежнымъ камнямъ Каиръ-Кумира, и я любовался ею сквозь полузакрытыя вѣки въ сумеркахъ вечера и тогда, когда золотое солнце рассыпало лучи на восходѣ и на закатѣ... Она взяла мое сердце, какъ сердце царя-змѣя, и ея образъ затемнялъ передо мною лица дѣвушекъ, когда я подросъ настолько, что сталъ женихомъ.

— Тамъ хорошо, на Кумирѣ... ты не видалъ его, господинъ! что за мѣсто! какъ хорошо тамъ... ой, какъ хорошо!.. рѣка клокочетъ, пѣнится, бурлитъ, а разноцвѣтные камни!.. какихъ только нѣтъ въ этихъ камняхъ цвѣтовъ! голубые, розовые, лиловые... всякіе... всякіе... сверкаютъ и блестятъ на солнцѣ, а Кумиръ поетъ, мечется, лижетъ ихъ, цѣлуетъ и поднимаетъ пѣну, которая кажется такой же румяной, какъ утренняя заря. А лѣса!.. въ нихъ тайна глядитъ задумчивыми глазами... въ каждомъ плесѣ, въ каждой лощинѣ, въ каждахъ скалахъ... Мудрено-ли, что Алтынъ-Аргызъ чудилась мнѣ среди этой красоты? Въ тотъ годъ, когда со мною случилось то, что я хочу тебѣ разсказать, бабки уже не было со мною: она умерла, завѣщавъ похоронить себя тамъ, гдѣ среди льдовъ

рождается Кумиръ, въ бѣлкахъ, и ее положили на вершинѣ, гдѣ положили когда то и тѣло пришельца,

Рѣка Каир-Кумиръ

который воспиталъ ее и носилъ мое имя. Отецъ мой только что поселился тутъ, у красавицы Катуня, съ которой взялъ мою мать: здѣсь удобнѣе было вести торговлю, чѣмъ въ той глуши, а я страшно тосковалъ, и меня тянуло къ роднымъ могиламъ; здѣсь

образъ Алтынъ-Аргызъ не казался мнѣ, и какъ только Чан-ай ¹⁾ проложилъ порошу, я надолго отпросился у отца туда, гдѣ среди камней и лѣсовъ жила моя сыргали ²⁾, чьи ноги ходили по Кумиру. Мои думы знала одна моя мать, — это тоже была хорошая женщина: въ нашемъ родѣ не было худыхъ, — съ невольной гордостью поднѣялъ онъ голову. — И я побоялся взять въ свою юрту такую, которая бы могла не походить на нихъ. Тамъ, на Кумирѣ, у меня былъ другъ звѣроловъ, йохту ³⁾ Педоръ, славный и смѣлый человекъ, когда то, благодаря нуждѣ, бывшій куломъ ⁴⁾ моего отца, его каин-ада ⁵⁾ былъ такимъ охотникомъ, что слава о немъ шла отъ бѣлковъ по Бѣлой Берели, Каиръ-Кумиру и Иедыкгему до самаго Бійска. Отецъ уважалъ его и, хотя неохотно, но отпустилъ меня на долгую охоту, а мать со слезами просила не вѣрять лѣсной дѣвушкѣ и не ходить въ глушь, куда она меня будетъ манить. Съ какимъ сердцемъ летѣлъ я на лыжахъ, на которыхъ могъ пролетать огромныя пространства въ день, туда, гдѣ ждала меня родина съ застывшимъ подо льдами Кумиромъ!

— Педоръ и его каин-ада встрѣтили меня, какъ сына; мы порѣшили, какъ дѣлить добычу, и дружно взялись за работу: готовить луки и строить изгородь для ловли мараловъ, между этимъ дѣломъ ставя капканы на лисицъ и гоняясь за ними по озерамъ; часто намъ удавалось перехватывать усь ⁶⁾ какъ можно скорѣе, чтобы не дать ей уйти, но ни въ долинахъ Кумира, ни въ каменныхъ горахъ, куда мы забирались для ловли соболей, я не встрѣчалъ болѣе Алтынъ-Аргызъ, и тоска вкралась въ мое сердце, томя его.

— Сыргали моего сердца! — звалъ я ее подъ опущенными китью тимирыт ⁷⁾ въ долинахъ и подъ мо-

1) Октябрь.

2) Невѣста.

3) Бѣдный.

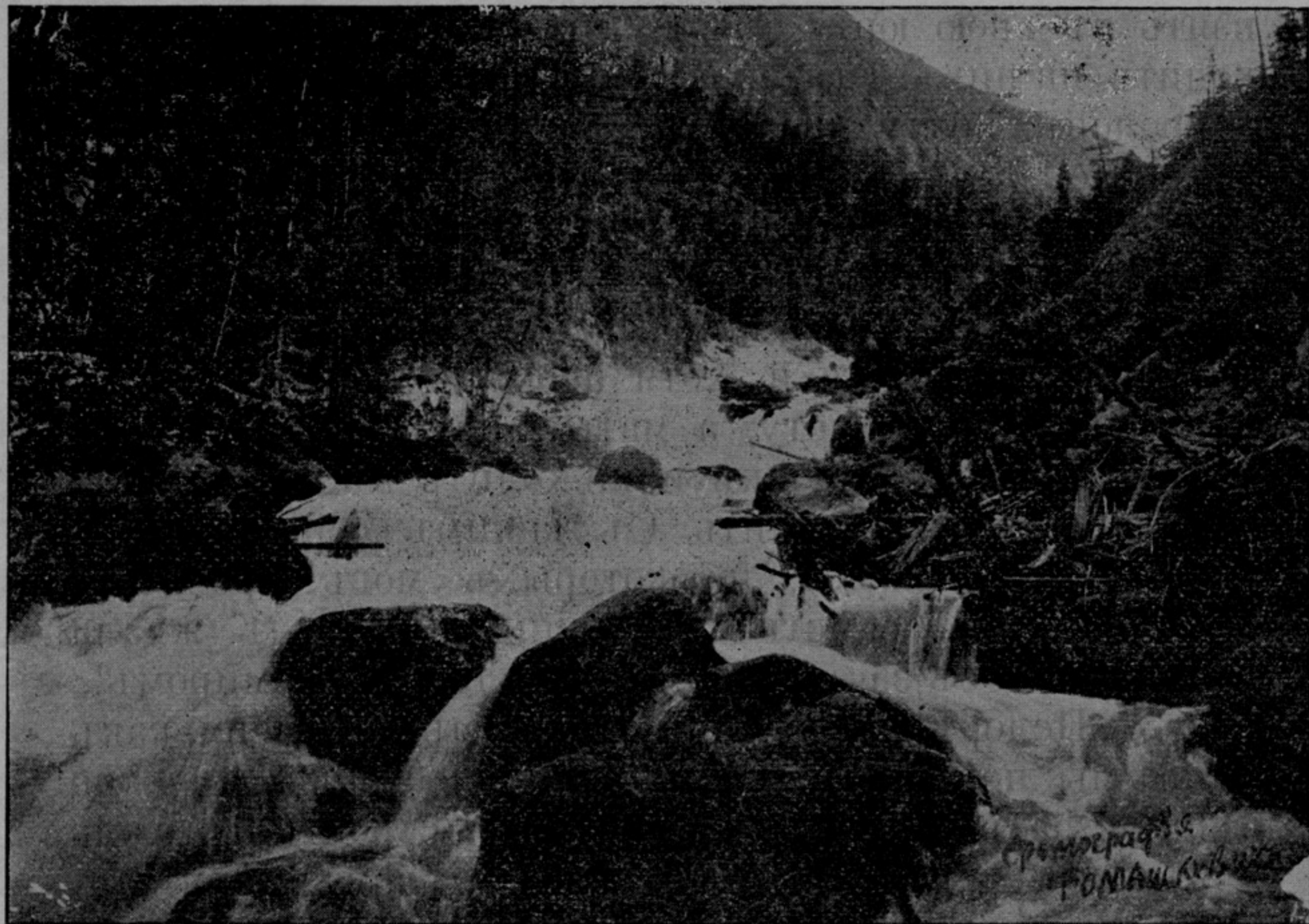
4) Слуга.

5) Тесть.

6) Рысь.

7) Черемуха.

гучими вѣтвями Кузук-агашей ¹⁾, на кручахъ горъ и тамъ, гдѣ таль ²⁾ спускался надъ Кумиромъ, но она не хотѣла слушать меня, моя карлагашъ ³⁾, она вѣрно ушла въ ледники къ своимъ богатырямъ и оставила безъ ласки одинокое земное сердце. А годъ былъ надиво удачнымъ; я невольно радовался за моихъ бѣд-

Рѣка Іедыгемъ.

ныхъ хозяевъ, которые жили охотой; моя доля тоже была велика, но когда наступили морозы, старый каин-ада Педора сказалъ намъ, что пришла настоящая пора идти за абшакомъ ⁴⁾, чьи шкуры цѣнились дорого, какъ маральи рога, и сталъ искать берлоги. Двухъ абшаковъ мы убили въ началѣ Улу-кырлача, двухъ въ серединѣ, а одного стараго и особенно большого въ концѣ; послѣдній поцарапалъ меня. Мы охо-

¹⁾ Кедръ.

²⁾ Вѣрба.

³⁾ Ласточка.

⁴⁾ Медвѣдемъ,

тились на нихъ, не затыкая берлоги; рука моя въ плечѣ ныла отъ медвѣжьяго удара, но я не хотѣлъ слушать товарищей и отдохнуть: во мнѣ загорѣлось желаніе отомстить звѣрю убійствомъ его убѣжавшей подруги, которую я принялся тщательно искать близъ того мѣста, гдѣ убили ея мужа, думая: „Навѣрно она убѣжала въ какую нибудь берлогу тутъ же въ горахъ близъ Кумира“. И, бродя среди нихъ, я, наконецъ, нашелъ слѣды преслѣдуемой глубоко въ горахъ, среди скалистыхъ уступовъ, и рѣшилъ на утро придти сюда безъ товарищей, объятый желаніемъ расправиться съ нею одинъ на одинъ.

— Былъ послѣдній день Улу-кырлача. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и много страннаго было въ моей жизни, но этотъ день мнѣ вспоминается такъ ясно, какъ будто это было вчера. Еще съ ночи насталъ морозъ, и вызвѣздило, а мѣсяцъ, большой и ясный, облилъ ласково загорѣвшійся и засверкавшій Алтай; утро встало въ розовомъ туманѣ, заставлявшемъ снѣгъ быть румянымъ, и я полетѣлъ на лыжахъ туда, гдѣ ждала меня добыча. Помню, Педоръ отговаривалъ меня:

— Куда ты, Туээзи? сегодня пріѣдетъ къ намъ сѣстри¹⁾ моей каин-эне²⁾... останься.

— Но я отговорился недолгимъ отсутствіемъ и, погоняемый морозомъ, полетѣлъ туда, гдѣ видѣлъ вчера обломанныя вершины кустарниковъ и содранную кору на деревьяхъ; все оказалось на своемъ мѣстѣ, и тонкій паръ шелъ изъ подъ камней за могучимъ корнемъ огромнаго кузук-агаша, куржакъ повисъ на кустарникѣ близъ логова звѣря, и я, взявъ свою винтовку, смѣло пошелъ туда, въ глубину ущелья, гдѣ горная узкая рѣчка бурлила подо льдомъ. Я снялъ лыжи и сталъ красться къ берлогѣ, смѣлый въ своей неопытности, мнившій себя чуть не богатыремъ... топоръ мой былъ остеръ, и также остеръ былъ ножъ... Помню, короткій день уже клонился къ концу, и лощина вся была залита солнцемъ, а я,

¹⁾ Сестра.

²⁾ Теща.

держа винтовку наготовѣ, увѣренный, что тутъ одна подруга абшака, ткнулъ лѣвой рукой съ заостреннымъ коломъ въ отверстіе пещеры и, бросивъ его, взялъ ружье на прицѣлъ... ревъ медвѣдя наполнилъ узкую котловину, и я дрогнулъ, когда услыхалъ другой, сейчасъ же начавшій вторить ему: это не была моя вдова... я нашель пару, и только надежда на мѣткій выстрѣлъ могла вывести меня изъ опасности... огромная морда звѣря показалась изъ-за камней, и выстрѣлъ мой прогудѣлъ не безъ пользы; онъ дико заревѣлъ, выскочивъ изъ норы огромный и страшный, сдѣлалъ шагъ ко мнѣ и упалъ, успѣвъ еще разъ испустить ревъ, точно призывавшій на помощь, и другая гигантская голова, вторя ему, показалась изъ пещеры. На этотъ разъ выстрѣлъ мой не былъ такъ счастливъ: медвѣдица, раненная въ шею, зарычала и кинулась на меня съ такимъ страшнымъ неистовымъ ревомъ, что сердце мое захолонуло отъ него; я выхватилъ ножъ и ждалъ ее, а она, опустивъ голову, быстро и смѣло бросилась на меня, видимо, желая растерзать... я помню ея объятія: мой ножъ не могъ убить ее сразу, и, вонзивъ его, я увернулся изъ ея лапъ, старавшихся схватить меня, и прыгнулъ за камень, но тутъ же почувствовалъ, что куда то падаю... я больно ударился о что то головою и потерялъ память...

— Было темно, когда я открылъ глаза, тѣло ныло, и холодъ прокрадывался подъ теплую шубу; я оглядѣлся и добылъ огня—узкая расщелина, можетъ быть, старое логово звѣрей, съ нанесенными осеннимъ вѣтромъ листьями, была глубока, и только полоска неба, уже освѣщеннаго мѣсяцемъ, глядѣла ко мнѣ. „Какъ долго я лежалъ?“—забились мысли въ моей головѣ. А нога ныла невыносимо, голова также невыносимо болѣла: видимо, я ударился ею, и только теплая шапка спасла меня... Какъ было вернуться отсюда? медвѣдей не было слышно: видимо они погибли оба, но сюда могла попасть усь... можетъ быть, ей принадлежало мягкое ложе изъ листьевъ, а мой ножъ остался въ ранѣ медвѣдя, и топоръ

куда то вылетѣлъ при паденіи, я поискалъ его и не нашелъ близъ себя... Встать я могъ, но съ сильной болью, и голова кружилась, точно я опился араки ¹⁾, тоска охватила мое сердце, а Тегунъ-ай-кычи-кырлашъ ²⁾, точно озлобясь, щелкалъ по лѣсу, морозя его, и мѣсяцъ сіялъ, холодный и круглый, прямо надъ моею норою... Да, я могъ погибнуть тутъ... все угрожало мнѣ: и звѣри, могущіе меня почуять, и морозъ, холодившій мои члены, а кругомъ стояла нерушимая тишина и только кускунъ ³⁾ гдѣ то далеко кричалъ свое фу-бу медленно и жалобно... мною овладѣла слабость, усталое разбитое тѣло захотѣло покоя, и сонъ сталъ подкрадываться ко мнѣ... силы не было противиться... онъ отгонялъ страхъ, онъ обвѣвалъ туманомъ ушибленную голову, и только что глаза мои закрылись рѣсницами, какъ чья то рука прикоснулась къ моему лбу. При свѣтѣ луны я увидѣлъ тонкое красивое лицо, темныя косы и большіе глаза моеи сыргали Алтынъ-Аргызъ и съ крикомъ восторга и радости хотѣлъ схватить ея ласкавшую мой лобъ руку, но моя рука схватила пространство, а она была тутъ и улыбнулась грустной улыбкой.

— Не тронь меня, Туээзи!—мягко и ласково сказала она.—Я только духъ... мое сердце когда то жило тутъ въ Алтаѣ и любило... ты увидалъ меня и сдѣлалъ своей сыргали, и я пришла къ тебѣ сегодня въ первую ночь Тегунъ-ай-кычи-кырлаша, чтобы вывести тебя отсюда, потому что моя душа любить тебя.

— Гдѣ ты живешь? гдѣ твой домъ? кто ты?—забросалъ я ее вопросами, но она только покачала головою.

— Я прихожу къ тѣмъ, кого люблю; а зовутъ меня такъ, какъ называешь ты, но кони мои ждуть, а морозъ можетъ опалить тебѣ грудь, ты же долженъ жить, быть богатымъ и любить меня.

— Да, я буду любить тебя!—забывъ боль, сказалъ я.—Пока дыханіе есть на моихъ устахъ, пока

1) Водка изъ молока.

2) Январь.

3) Филинь.

бьется сердце, я буду тебя любить, дѣвушка, моя сыргали.

— А я буду ждать тебя тамъ, далеко!—указала она на звѣзды.—Знай: и въ пѣнѣ рѣкъ, и среди камней въ лѣсахъ, и на вершинахъ Ту ¹⁾, я буду съ тобою, потому что вѣрю въ твою любовь, но ты не увидишь меня больше, пока алдачи не охолодитъ твоего сердца, которое состарится, оставшись для меня молодымъ.

— Я видѣлъ ея лицо, тонкое и нѣжное, такое чистое, кроткое, и грустное лицо, а потомъ какая то сила подняла меня со дна моего логова, и я очутился на крѣпкомъ сивомъ конѣ, на котораго усадила меня она, заботливо вставивъ въ стремя больную ногу. Я подчинялся ей, какъ ребенокъ, и когда въ послѣдній разъ я глядѣлъ на нее, мѣсяць освѣтилъ ее такъ ясно-живую, красивую, кроткую, и я наклонился къ ней, шепча горячія слова.

— Ея руки обняли меня, я чувствовалъ ихъ, я чувствовалъ теплоту ея губъ, но мои руки обняли воздухъ, и точно туманное облако прошло передъ моими глазами, скрывъ ее отъ меня. Лошадь тихо ступала по тропѣ, проложенной моими лыжами и несла меня въ долины, сверкавшія огнями снѣжинокъ; мнѣ нашъ путь показался мигомъ, хотя мы двигались тихо, и я не чувствовалъ боли въ ногѣ... а потомъ все потемнѣло въ моихъ глазахъ—и сверкающая ночь, и звѣзды, и небо, озаренное луною, и я очнулся въ юртѣ моихъ друзей среди ихъ гостей въ первый день Тегунъ-ай-кычи-кырлаша съ больною ногой и разбитымъ тѣломъ.

— Педоръ и другіе обступили меня съ разспросами, куда я ходилъ и какъ попалъ домой съ больною ногою и безъ оружія... они рассказали, что вчера глубокой ночью, какая то дѣвушка, невѣдомая и незнаемая, разбудила ихъ и велѣла поднять меня, лежашаго у порога юрты, у нея были длинныя косы и красивое лицо, и она сказала:

¹⁾ Гора.

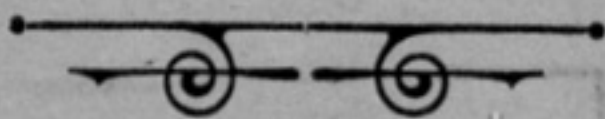
— Скорѣй возьмите его, потому что ночь холодна и можетъ оледенить его сердце, а онъ долженъ жить.

— Я послалъ ихъ въ камни, и они привезли отсюда двухъ убитыхъ медвѣдей и мое ружье, а послѣ, когда поправилась моя нога, я нашель въ глубокой щели той норы, куда упалъ, мой топоръ, улетѣвшій въ дальній темный уголь.

— Ты знаешь, господинъ, что у меня нѣтъ жены? я вѣрю, что меня дожидается моя сыргали тамъ, гдѣ блещутъ звѣзды, и никогда никакой страхъ при опасностяхъ не томить моей души, потому что, когда мое сердце оледенѣетъ, милыя уста Алтынъ-Аргызъ приникнуть къ моимъ, потому что я любилъ ее всю мою жизнь, и теперь, когда шумять мятели, грохочетъ Катунъ или гремитъ гроза на опасныхъ тропахъ бомовъ и при встрѣчѣ съ дикими звѣрями, мое сердце чувствуетъ всегда, что она около меня, и иногда, въ тихія ночи, я слышу сладкій голосъ, говорящій мнѣ ласковыя и кроткія слова.

— Ты говорилъ, что у васъ люди чтятъ первую ночь Тегунъ-ай-кычи-кырлаша, что ее зовутъ у васъ Новый годъ... вы гадаютъ въ нее и пытаете судьбу... и я узналъ свою судьбу тогда, много лѣтъ тому назадъ, въ этотъ день и никогда не забуду дѣвичьяго поцѣлуя, которымъ я обручился тамъ, въ глуши, близъ Каиръ-Кумира, гдѣ горы поросли щетиной лѣсовъ, и лютые звѣри таятся въ засыпанныхъ снѣгомъ берлогахъ. Въ Алтаѣ много чудесъ, мой гость, онъ самъ—чудо... посмотри какой!!...

И, вставъ, Туээзи откинулъ дверь и впился взглядомъ въ ночь, сверкающую, лунную, осыпавшую миллиардами брилліантовъ горы и лѣса, ночь дѣвственно прекрасную, холодную и чистую, какъ то видѣніе Туээзи, которое онъ любилъ и которому онъ былъ вѣренъ всю жизнь.

10,50

50

500 =